Р.Ф. Бекметов

(КФУ, Казань)

Э. ХЕМИНГУЭЙ В ТАТАРСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПЕРЕВОДЕ*

1. История татарского литературного перевода ещё не написана. Она ждёт своих исследователей, тех, которые смогли бы представить целостную картину развития татарского переводческого ремесла. Обращение к этой теме крайне актуально именно сейчас, когда татарский (как, впрочем, и общетюркский) перевод переживает далеко не лучшие времена, и необходимо, прилагая последовательные научные усилия, создать импульсы для активной практической работы. Это касается прежде всего переводов западной классической и современной литературы. Её теперь почти не переводят, а если и берутся за перевод, то, по нашим наблюдениям, в основном ограничиваясь произведениями для татарского театрального репертуара, ориентированного на живой, непосредственный отклик зрительской аудитории. И в этом заключается существенное отличие татарского перевода от русского – более книжного, массового, беллетризованного, направленного на отражение текущей литературной ситуации в разнообразных жанрово-стилевых формах. Так, конечно, было не всегда. Достаточно сказать, что в период с 1901 по 1917 годы, когда в среде татар шёл интенсивный процесс культурного движения от Востока на Запад, отдельными книгами в свет вышло 36 наименований переводной продукции, 46 изданий общим тиражом свыше 134.000 экземпляров (английская, немецкая, французская, испанская, итальянская, норвежская, греческая и др. литература, переведённая либо напрямую, с языка оригинала, либо через русское или турецкое посредничество) [1, с. 250]. Более того, при газетных редакциях организовывались специальные кружки, на их заседаниях обсуждались вопросы переводческого мастерства [1, с. 251]. Многое из того,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 16-14-16027 «Русские и татарские переводы западной литературной классики (сравнительный анализ)»)

что было предметом устной полемики, перекочёвывало затем на страницы ведущих татарских журналов, чтобы вновь стать объектом дискуссии, порой чрезвычайно острой [2, с. 9–11].

2. Из всех западных писателей определённой популярностью в татарских читательских кругах пользовался Э. Хемингуэй, причём интерес к нему, естественно, нужно рассматривать не обособленно, а в общесоветском политико-идеологическом контексте. Если русский читатель открыл творчество американского писателя в 1930-е годы, то татарский – позднее, в начале 1940-х. Так, в 7-ом номере журнала «Совет әдәбияты», крупном литературно-периодическом органе татарского отделения Союза писателей СССР, за 1942 год был опубликован рассказ Э. Хемингуэя «Американский боец» (1937); переводчик – Фатих Хусни [3]. В 8-ом номере за тот же год – рассказ «Мадридские шофёры» (1937) [4]; имя переводчика не обозначено, вполне возможно, что в этой роли выступил упомянутый Фатих Хусни, видный теоретик новеллистического жанра. Наиболее полная переводная подборка хемингуэевских текстов появилась в 1971 году [5].

3. Попробуем понять смысл татарской художественной стратегии, разобрав вкратце одно описание из повести Э. Хемингуэя «Старик и море» в переводе Ясира Шамсутдинова. Этот перевод был выполнен не с языка подлинника, а с языка-посредника, во вторичной, русской обработке. Анализ произведения показывает, что в целом переводчику удалось передать «букву» и «дух» поэтики Э. Хемингуэя с её ориентацией на чёткость и лаконичность словесных оборотов при одновременной информативной насыщенности эстетического высказывания. Однако в ряде случаев приходится наблюдать любопытные отклонения от русского перевода, свидетельствующие о бессознательном характере протекания мыслительной операции в подборе слов. К примеру, в I главе повести дан сжатый портрет старика Сантьяго. Важной деталью, определяющей духовный облик героя, становятся его нестареющие глаза. В английском тексте сказано: «Everything about him was old except his eyes and they were the same colour as the sea and were cheerful and

undefeated» [7, с. 6] («Всё у него было старым, за исключением его глаз, и они цветом были как море, весёлые и не сдающиеся»). В русском переводе смысл этой фразы был сохранён; изменение коснулось формы: переводчики усилили ритм оборота за счёт троекратного повтора слова «глаза». «Всё у него было старое, кроме глаз, а глаза были цветом похожи на море, весёлые глаза человека, который не сдаётся» [6, с. 262]. С одной стороны, повтор призван продемонстрировать читателю приоритет высоких ценностей, которыми руководствуется Сантьяго. С другой – ритм этот является русским эквивалентом индивидуально-творческой манеры Э. Хемингуэя. В татарском переводе двухчастная фраза оригинала разделена на две самостоятельные синтаксические единицы, связь между которыми осуществляет один объект изображения – «глаза». Глаза сравниваются с морем, однако вместо однозначного указания на «весёлость» и «бодрость» подчёркнута их «голубизна», которая опосредованно, как предполагаемый вывод, связана с необычными свойствами души Сантьяго. «Картның күзләреннән башка бар җире дә тузган, картайган. Ә күзләре исә, нәкъ диңгез кебек, зәңгәр булып кайгы-хәсрәткә бирешмичә калган» [5, с. 267]. Неожиданное возникновение концепта «голубизна» симптоматично. С точки зрения универсальных закономерностей мышления перед нами – выразительный парафраз, «контекстуальный синоним», вызванный желанием переводчика пояснить в оттенках характер мудрого, много претерпевшего и мужественного человека, не утратившего смысложизненные ориентиры. Дешифрованное значение переводчик проясняет новым текстом. Кроме того, «голубой» цвет глаз неслучайно соседствует у татарского переводчика с «морем», являясь, по сути, клишированным выражением его цветописи. В аспектах тюркской психологической модели поведения, сформировавшейся в степной и лесостепной ландшафтной зонах, этот момент представляется довольно значимым, особенно если сравнивать его с греческой картиной мира, в которой цветовые характеристики моря и морского пейзажа на лексическом уровне бесчисленны. В глубинном национальном сознании переводчика

образ моря как бы не запрограммирован, поэтому его шаблонная «голубизна» становится следствием расхожего восприятия образов в русской языковой системе.

4. Перспективным кажется опыт соотнесения татарской переводной копии произведений Э. Хемингуэя с их переводами на другие тюркские языки. В этом случае можно понять, как трансформируется оригинал в русском переводе, а потом изменяется в иноязычных переложениях с него. Создание типологии тюркских литературных переводов американского автора поможет раскрыть некоторые особенности культурного и этнического мышления переводчиков на фоне индивидуальных подходов.

Источники и литература

1. Гилазев З.З. Переводы произведений западной литературы на татарский язык в 1901–1917 годах (в книжных изданиях) // История России и Татарстана: итоги и перспективы энциклопедических исследований: сб. ст. итоговой научно-практической конференции (г. Казань, 26–27 февраля 2009 года) / отв. ред. А.И. Ногманов. Казань, 2009. С. 250–252.

2. Нигматуллин Э.Г. Татарская литература начала XX века (до 1917 года) в её отношении к западноевропейской литературе и философско-эстетической мысли: дисс. … канд. филол. наук. Казань, 1972. 232 с.

3. Хемингуэй Э. Америка солдаты / Ф. Хөсни тәрҗемәсе // Совет әдәбияты. 1942. № 7. Б. 29–33.

4. Хемингуэй Э. Мадрид шофёрлары // Совет әдәбияты. 1942. № 8. Б. 37–39.

5. Хемингуэй Э. Сайланма әсәрләр / Я. Шамсутдинов тәрҗемәсе. Казан, 1971. 362 б.

6. Хемингуэй Э. Старик и море / пер. Е. Голышевой, Б. Изакова // Хемингуэй Э. Прощай, оружие! / пер. с англ. Йошкар Ола, 1983. С. 262–329.

7. Hemingway E. The Old Man and the Sea. Moscow, 2004. 128 p.